Ты поведёшь меня в сады свои густые, Деревьев и цветов расскажешь имена; *E. Боратынский, Родина*

«...и скажу, как называются созвездья». И. Бродский, Письма римскому другу

В поэтологии существуют две противоположных концепции: античная — это когда у Муз есть свой поэт-собеседник; и библейская, когда читатель встречается с поэтом-пророком. Поэт-пророк — первое впечатление после знакомства с текстами Бориса Херсонского. У него огромен массив стихотворений, связанных с Ветхим и Новым заветами, книгами пророков и деяний апостолов, Евангелиями и Откровением. Эти мотивы в текстах Херсонского производят мощное впечатление, усиленное тем, что для поэта главной его религией остаётся религиозное благоговение перед словом и звуком.

Однако, для меня, читателя, поэт, эссеист, переводчик Борис Херсонский прежде всего — разноплановый, умный (именно это качество выделил сэр Исайя Берлин в Бродском после их встречи в Лондоне в 1972 году) собеседник. Остроумный, парадоксальный, нередко переходящий с доверительной, свойской интонации на нарратив псалмов, на патриархальную просодию заветного текста, отчего поначалу я и склонялся к версии «поэта-пророка».

* * *

я имею тебе сказать — так говорил мне дед. I have to tell you — скажет когда-нибудь внук. когда я уйду — никто не посмотрит вслед. когда постучу — не отворят на стук.

Поколение-мостик над подземной рекой. переходный период из ничто в никуда. всё это не оплатить стихотворной строкой, и даже музыкой — не залатать никогда.

а казалось, что строить нужно на месте пустом. а казалось не нужно идти, куда не зовут. вода изгнанья течёт под старым мостом. облака изгнанья над землёю изгнанья плывут.

По мере прочтения поэзии, а особенно – поэтизированной прозы Херсонского, мне стал больше импонировать поэт-собеседник, нежели поэт-пророк. При том, что обе эти ипостаси можно без труда привести к одному знаменателю, отмеченному Мандельштамом: «С кем же говорит поэт? Вопрос мучительный и всегда современный. Предположим, что некто, оставляя совершенно в стороне юридическое, так сказать, взаимоотношение, которым сопровождается акт речи (я говорю – значит, меня слушают, и слушают не даром, не из любезности, а потому, что обязаны), обратил свое внимание исключительно на акустику. Он бросает звук в архитектуру души и, со свойственной ему самовлюбленностью, следит за блужданиями его под сводами чужой психики...».
Мандельштам говорит не только об акустике, но и о психике, что

Мандельштам говорит не только об акустике, но и о психике, что есть двойное попадание в Бориса Херсонского, поскольку по профессии он клинический психолог и психиатр. В его судьбе немало таких мандельштамовских «двойчаток»: пишет Херсонский по-русски и поукраински; еврей по происхождению, принявший христианскую веру, но поскольку поэт, то и «жид» в цветаевском смысле; одновременно высказывает себя и как поэт, и как прозаик. А раз психиатр, то еще и, как водится, «псих», о чём откровенно сообщает: «...мы на равных с пациентами. Я говорю, что мы и есть пациенты-хроники, которые провели в психушке долгие годы. Правда, на режиме полустационара: на ночь нас отпускают домой...». От такого раздвоения по векторам — не только наполненность регистров в любой тональности, но умение проникать в тишину, в пустоту/зазор паузы, возникающей между вопросом и ответом, характерными и для Катехизиса, и для Талмуда, и для дзэнских коанов.

Аналитик-фрейдист сам себе сказал бы (я сказал сам себе): значимые объекты, то есть люди, мы их так в своем кругу называем, питаются нашим либидо, ненавистью и страхом.³

Борис Херсонский родился 28 ноября 1950 года в Черновцах, куда после войны попала семья его матери. Там же учился в институте,

 $^{^1}$ О. Мандельштам. Собрание сочинений в 4 томах. Том 1. О собеседнике. 253. Из-во АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР. М. 1993—1999.

² Борис Херсонский. О странностях науки. Ж-л «Крещатик». Выпуск 34.

³ Из цикла стихотворений Б. Херсонского «Письма к Марине».

будет посвящён в этом году столетию со дня рождения Целана.

Третьим слагаемым, к месту проживания и медицине, необходимо добавить литературу. Дед Бориса Херсонского, Роберт, в 1919 году выпустил две поэтических книжки. В основном, это были политические эпиграммы, так что большую часть тиража Роберт уничтожил, по известным причинам, в 1930-х, но они хранятся у неназванного коллекционера в Америке. А отец — знаток классической русской поэзии, в студенческие годы получил прозвище «Тютчев» за особую любовь к стихотворениям лирика и дипломата. В 1949 году вышел в свет поэтический сборник Григория Херсонского «Студенты». Борис называет отца своим первым учителем литературы.

говорю полузабытыми словами о полузабытых вещах тарелках и судьбах треснутых и надбитых орденоносных примусах выброшенных на свалку

возвратившись с фронта, отец. «Мой отец, Григорий (Герш, друзья звали его Гера) - одессит как минимум в пятом поколении, потомственный врач», 1 – сообщает поэт, попутно говоря о том, что в семье знали европейскую и русскую литературу, и свободно говорили по-немецки. Приходит на память еще одна немецкоговорящая еврейская семья из Черновцов: на пять дней раньше, 23 ноября, ровно за 30 лет до рождения Херсонского, в том же городе в немецкоговорящей еврейской семье родился великий поэт Пауль Целан. Проживи Борис детство и юность в Черновцах, как это произошло с другим современным поэтом, Игорем Померанцевым, можно было бы начать разговор о поэтической родословной, но отец по окончании института получает распределение в Старобельск, Луганской области, откуда семья возвращается в Одессу. Таким образом, многообещающе возникшая в творческой биографии черновицкая линия двух юбиляров 2020 года - «Целан-Херсонский» резко оборвалась, хотя поводов для сравнительной в перспективе статьи более, чем хватает. К примеру, поэтический фестиваль «Meridian Czernowitz», в котором Херсонский принимал участие неоднократно,

жизнь идёт уходит ни шатко ни валко опираясь на палку ²

К «трём составляющим Херсонского» можно ещё добавлять и добавлять, но одно стоит подчеркнуть особо: гражданское сознание. Вероятно, это возникло в детстве, не зря Борис отмечал в своих воспоминаниях: «...в том доме, где мы жили в Одессе, действительно располагалось ЧК. Во дворе, где я играл ребёнком, расстреливали.

Действие рассказа Бабеля "Фроим Грач" происходит именно в этом доме. На площади Потемкинцев, ныне вновь – Екатерининской. И я

Б. Херсонский, Предпоследняя вещь. Ж-л «Знамя», №11, 2012.

² Из стихотворения Б. Херсонского «говорю полузабытыми словами о полузабытых...».

своими глазами видел предсмертные надписи на стенах, когда в возрасте десять-одиннадцать лет я мальчишкой лазил по подвалам с китайским фонариком».1

В 2014 году Россия аннексировала Крым – и Херсонский открыто выступил в весьма русифицированной Одессе в поддержку Украины и украинского языка, заговорил о гражданском унижении, гражданских ценностях и правах. Собственно, эта позиция привела его к тому, чтобы писать в последние годы по-украински.

«Средневековое христианство предписывает нам помнить четыре "последних вещи" - смерть, Страшный суд, Ад и Рай. Но пока эти вещи не свершились, мы вспоминаем предпоследнюю вещь. Назовем её – для краткости - жизнью». ^{2}

Вероятно, самое определяющее, что есть в текстах Херсонского: воспоминания о жизни. В книге «Семейный архив», как заметил критик Илья Кукулин, «реквием по восточно-европейскому еврейству» - о жизни предков, ближних и дальних родственниках, большой еврейской семье, в которой из старших теперь остался сам поэт, пожалуй, да несколько двоюродных-троюродных сверстников.

Также – воспоминания о жизни и профессии психиатра, чему посвящены прозаические истории и верлибры, местами анекдотические, местами грустные; да и вполне профессиональные заметки о жизни с точки зрения психиатрии, которые Херсонский ведёт регулярно в соцсетях, и это становится основой для его книг и публикаций в периодике.

И их превратили – каждого за свой грех – кого в вола – пахали на нём, кого в коня – били плетьми, А тех людей, кто провинился более всех, Бог в наказание так и оставил людьми.3

И о жизни – между Богом и миром, духом и истиной, религиозным и историческим сознанием, верой и изгнанием - в уникальной книге «Натан. В духе и истине» (С. Круглов, Б. переложениях Херсонским библейских текстов, Херсонский), В собранных в «Книге хвалений», в сборнике «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона», и некоторых других.

Здесь важней «воспоминания», чем «жизнь». Можете вообразить конструкцию, в которой вовсе не главное - каркас и образуемый им

¹ Б. Херсонский. Предпоследняя вещь. Ж-л «Знамя», №11, 2012.

³ Б.Херсонский, из цикла «Песни восточных славян». Сборник «Пока еще кто-то». К. Изво «Спадщина-Интеграл». 2012.

содержанием? Не только потому, что ради содержания остов, фундамент и надстройка конструкции создавались, но и поскольку пустота сама по себе — пугающа, нерациональна, неадекватна любым нашим представлениям о времени и судьбе. Пустота — это то, с чего все начиналось: «мир, сотворенный из нихрена», — как пишет Херсонский.

а пустоты в каркасе, которые необходимо заполнить

что выведен как на одежде пятно что выеден напрочь как мякоть плода не умевшего плакать теперь пустота скорлупы кожуры

там прячутся дао и смысл заодно

воздушных шаров и цветной мишуры которой природа боится но вида не кажет бодрится ¹

Как отметил поэт Владимир Гандельсман: «Трудно представить себе что-то более тоскливое, чем до-сотворённость», 2— но и представление о заполненности пустоты— не менее удручающе. Как в видении, к примеру, у поэта-эмигранта второй волны Ивана Елагина: «Мы— тоненькая плёночка живых / Над тёмным бесконечным морем мёртвых».

Насытить пустоту, наполнить её — проблема онтологическая. Каждый из нас в той или иной степени эту проблему решает, садясь перед бумажным листком и заполняя его буквами/цифрами, либо акустически речь внедряя в тишину и уничтожая тем самым немоту; да и своим физическим присутствием вытесняя из пространства полую площадь, равную объёму тела.

Нечистая сила сильнее неправедного ума, страданье сильней творенья, разве что чудо. Странно, что Свет сияет во тьме, и тьма не одолела его покуда.³

немалой степени есть поиск решения этой задачи. По точному наблюдению поэта и критика Владимира Губайловского: «Херсонский... опирается на трансцендентное — в частности, на прозрение и метафизическое переживание пустоты, у Бродского главное — имманентное движение времени. Это разные поэтики. У Херсонского

В этом мы подобны Творцу, и наше присутствие в Универсуме в

¹ Из стихотворения «ни слова, ни буквы, ни даже числа...».

² В. Гандельсман. Радивость духа. О поэзии Софьи Парнок. Ж-л «Интерпоэзия», №3, 2010. ³ Из стихотворения «Человечек в белом на фоне огромного витража».

начиналось. Как с пустоты Гроба господня родилась воскрешение. И здесь возникает вопрос, на который человечество ищет ответ столетиями: если мы движемся к пропасти, к её летальному

провалу, то как спастись? Что можно этому противопоставить? Что можно предложить «после Освенцима»? Тем паче, учитывая классическое из «SILENTIUM!»: «Мысль изреченная есть ложь. /

- движение по вертикали, у Бродского - по горизонтали. Ни одна не

Пустота – это то, чем всё, очевидно, закончится, и с чего всё

«Пустота – вообще ключевое понятие в поэтической философии Херсонского... иногда даже до-бытие, как в Книге Пути (или у Мейстера Экхарта...). И вплоть до сегодняшней, надвигающейся пустоты, - пишет критик Ирина Роднянская, - сигнализирующей о себе рассказчику окружённым паутиной трещин отверстием от пули в оконном стекле, неразгаданной бандитской угрозой: "Я пойман в эту сетку, попался, никуда не деться. / Нет паука – есть дыра, отверстие. Этот хищник – / пустота – беспощаднее, чем другие". "Этот мир облечен в пустоту, / понимаешь, ту, / что внутри и со всех сторон".

А то, что всплывает в сознании, чаще всего – мертво.³

"...Постоянное ощущение непрочности существования, колебания земли под ногами, — так говорит об этом поэт в своём интервью. -Стихи растут не только из сора, но и из трещины, из разлома бытия"».²

Взрывая, возмутишь ключи, — / Питайся ими — и молчи».

Мы узнали о них, когда пробил их смертный час.

Подобно этому наше собственное естество.

хуже».1

Живое и мощное скрыто глубoко в нас.

Так в психоаналитической герменевтике Альфреда Лоренцера формирование символов происходит не в бессознательном («глубоко в

нас»), а в сознании («всплывает»). При этом следует различать символы, соотносящиеся с сознательными представлениями, стереотипы, соотносящиеся с бессознательными. В этом плане, в противовес известной позиции Киплинга, Запад и Восток у Херсонского «сходят с мест». Восточное понимание пустотности – Пути Дао – отображено в тексте «Чжуан-цзы»: «Отвечать на вопрос о Пути – значит

не знать Путь. А спрашивающий о Пути никогда не слышал о нём. О Пути нечего спрашивать, а спросишь о нём - не получишь ответа. Вопрошать о недоступном вопрошанию – значит спрашивать впустую.

Отвечать там, где не может быть ответа, – значит потерять внутреннее».

¹ В. Губайловский. Случай Херсонского. «Частный корреспондент», 30.09.2009. ² И. Роднянская. Никакое лекарство не отменяет болезни. Ж-л «Арион», №4, 2007.

³ Б. Херсонский, Левиафан, Polutona.ru.

Однако, в западной практике, оба высказывания — и вопрос, и ответ — не уничтожают друг друга, а развивают, взаимодополняют. И обеспеченная молчанием экзистенция «мысль изречённая есть ложь», способна изменить знак в особом случае подсказки-совета: «Спрашивай!».

Сам по себе вопрос от прочих высказываний отличается способностью к размножению. Его смыслообразующая функция — вызывать творческий импульс. Таким образом, вопрос — это в изначальном понятии Задача: творческая задача, которую спросивший предлагает спрошенному.

Это задача создать текст. Он может быть абсурдным, как в случае с дзэнскими коанами, подчеркивая в вопросе его статическую составляющую — пустоту; либо основываться на логике и анализе, обнаруживая в вопросе смысловую компоненту. Обе возможности ответа одна другую не исключают, а сосуществуют друг с другом, друг в друга встроены.

прячьте не плачьте вода течёт и уносит слёзы то-то вода из крана солоновата ничего подоспеет зима ударят морозы и сани по льду покатят как катили когда-то и колокольчик гремит под дугой дар какого-то там валдая и ямщик запоёт тоскливо сквозь морозную дымку и река подо льдом содрогнётся как человек страдая и враги задохнутся катаясь по снегу в обнимку 1

В философии Хайдеггера, после введения им понятия «онтический», можно наблюдать что-то подобное. «Онтический — относящийся к порядку сущего в отличие от «онтологического», как относящегося к порядку бытия. Если сущее (Seiendes) — это предметночувственный мир, то бытие (Sein) — это условие возможности сущего, предельная смысловая возможность всякого вопрошания. Особое место в ряду сущего занимает Dasein. Последнее есть такое сущее, в котором «дело идет о самом бытии», оно есть место, в котором может быть поставлен вопрос о смысле бытия. Поэтому Dasein характеризуется в «Бытии и времени» как «онтически самое близкое», но «онтологически самое далекое» — пишет философ В. Малахов. 2

Всё это в творчестве Херсонского есть, по сути, создание гигантского текста-вопроса к мирозданию, к самому себе и к читателю. «Пустота в начале и в конце — это, собственно, хорошо продуманные омонимы, — подчёркивает И. Роднянская. — А не нашедшие Христа женщины и не нашедшая Христа душа — своего рода каламбур, один из

Б. Херсонский. Все стихи. 45 Параллель. https://45parallel.net/boris_khersonskiy/stihi/
 В. С. Малахов. Электронная библиотека ИФ РАН. «Новая философская энциклопедия».

драматических каламбуров Херсонского...» Вообще, любой текст Херсонского, будь то верлибры, либо конвенциональный русский стих, можно разбить на вопросы без труда (как, к примеру: «Открой для себя страну,.. (вопрос: как? – Γ .K.) ... как банку килек в томатном соусе» В этом – ключ к пониманию мышления поэта, создающего удлинённые по

* * *

Значит, так. Вынимаешь резной ларец, ломаешь замок зубцами клещей, открываешь и говоришь: «Покажись!» Из ларца вырастает резной дворец. Во дворце – Кощей над мискою щей, в Кощее – Кощеева жизнь.

формату, философские тексты в духе библейских притч.

а на дубе – сук, на суку – сундук, в сундуке – барсук худой, словно жердь. В барсуке перепёлка гнездо свила, в перепёлке – яйцо, а в яйце – игла, на игле – Кощеева смерть.

Или так. В поле – сруб, а над срубом – дуб,

Или так. Тебе девяносто лет, но ты на ходу. На свою беду приходишь в цех, ты там старше всех вместе взятых. Твой партбилет подписан Троцким в двадцатом году, а в тридцатом пошит жилет.

Но тебя шатает. И ты летишь затылком в землю и так лежишь, хрипишь, чтоб тебе помогли. Над тобой склоняется несколько лиц, медсестра надевает иглу на шприц, — и что там, на конце иглы?³

И здесь же – продолжение экзистенциальной темы стиля, поскольку для писателей и философов-экзистенциалистов тема подлинности существования является одной из значимых. «Херсонский любит разгонять строфу, может нанизать пять-шесть, а то и поболее

¹ И. Роднянская. Никакое лекарство не отменяет болезни. Ж-л «Арион», №4, 2007.

² Б. Херсонский. Левиафан. Polutona.ru

³ Борис Херсонский: «Если бы поэт сжег квартиру, это было бы любопытно». Программа «Нейтральная территория. Позиция 201». Беседу ведет Леонид Костюков. Полит.ру. 14 декабря 2009.

трёхстишия с рифмой-тройняшкой. Но отнюдь не пренебрегает ни старым добрым катреном, ни двустишьями. Не говорю уж о большом массиве белых стихов и верлибров. А вот за вычетом действительно богатых и разнообразных строфических изысков ритмико-фонетическая ткань стиха у Херсонского, можно сказать, нарочито обеднена: никаких бросающихся в глаза аллитераций, никакого звукового буйства. Если пресловутые далековатые понятия и сопрягаются, то никак не по фонетическим уподоблениям... никаких неожиданных ярких эпитетов, никаких эффектных сравнений, если метафора, то самая скромная. Все эти «фигуры отрицания» очень важны: сегодня в поэзии задают тон авторы, последовательно отказывающиеся от расхожих представлений о

стихов на одну рифму, – отмечает поэт и критик Аркадий Штыпель, – зарифмовывает восьмистишия с шагом в четыре стиха, а ещё любит

поэтической речи как "богато орнаментированной"». 1 Предполагаю, иначе и быть не могло. Херсонский пустоте противопоставляет воспоминания, заполняет ими, нередко в жанре байопика, лакуны прошлого и настоящего – и это определяет его стиль естественного изложения, создаёт ощущение подлинности его текстов. Отсюда и чёткая сценическая структура его прозы и поэзии, едва ли не раскадровка (когда литературные приёмы нередко уступают место монтажу), годная для кинофильма; и свойственное постмодернизму письмо циклами, поэмами, сразу книгами; и характерное для архива форматирование документальными подробностями. текста, c перечнями-длиннотами, с вопросами-ответами – без лингвистических украшений.

жизнь форма существования белков жиров углеводов гипса мрамора чугуна вселенских военных заводов выходов здесь на порядок меньше чем входов

парковая скульптура типа отбитые руки стопы носы деталь обычной разрухи эпоха плетётся походкой развратной старухи

обелиск фаллос рядом пламя из дырки в граните мы всех и вся а нас никто и ничто извините такие уж мы как есть звонко рвутся памяти нити ^{2}

Иными словами, это и есть жанр вербатим, что в переводе с латинского означает «дословно». Сегодня вербатим уже не претендует на почётное место «новой драматургии», хотя всего несколько лет назад

А. Штыпель. Случай Херсонского. «Частный корреспондент», 30.09.2009.
 Из стихотворения «парковая скульптура типа спортсмен с ракеткой».

Светлана Алексиевич, работающая десятилетиями в этом жанре, получила Нобелевскую премию по литературе.

Вопрос – ответ... Таков фактологический метод вербатима для конструирования некоего цельного текста, который не может и не должен выглядеть придуманным, искусственно созданным в лабораторных условиях писателя, поэта, драматурга.

Убедительность и правда существования.

* * *

Свод небесный — расписной потолок, день воскресный, Бог, церковный порог, два органа, по пять алтарей слева, справа. Дыши, отогрей сердце-ледышку, желанья умерь, боль, одышку. Вечная дверь приоткрыта. Пробивается в щель лучик света на мраморную постель. 1

В наши дни, когда вымыслом становится любое новостное событие, попадая в разряд «фейковых сообщений» на полях гибридных информационных войн, поэт ощущает необходимость так выстроить текст, чтобы не отвадить от него читателя, подозревающего в литературе искусственность, авторский вымысел/умысел, а оттого — произвол по отношению к создаваемому контексту. Отсюда большая расположенность к верлибру, к «журналистике факта», к вербатиму — в них создаётся доверительный дискурс в эпоху, когда разоблачен миф о наличии объективной информации и всеположенности автора. Возникает ощущение, что автор лишь редактирует полистилистику составленных им конструктов, и даёт возможность разным, как бы, героям-репликам проявлять свою индивидуальность.

В отличие от суммы технологий в драматургии, в поэзии и прозе создаётся ощущение, что реплики и репризы восстанавливаются автором по памяти, и эти воспоминания — то, что может автор противопоставить не щадящему слов вакууму, в расположенной вовне и внутри нас пустоте. Её заполнив. Многоголосие в воспоминаниях о предках, тщательно восстановленное Херсонским десятилетия спустя; многоголосие в оживших в воспоминаниях феноменах истории, религии и культуры; многоголосие и алеаторика, как стилистическая возможность выстоять против отсутствия голосов вообще — это читатель осознаёт, как решаемую и им самим в процессе чтения задачу.

¹ Из сборника «Мраморный лист». М. Из-во «АРГО-РИСК», Книжное обозрение, 2009.

МОЛИТВА

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, защищавший нас, поддержавший нас и сохранивший нас до сего дня, — лучше б нам не видеть его.

Ты ничего не отнял у нас: ни уныния, ни отчаяния, ни монотонной, тусклой надежды.

Ты всё тот же, Единый. И мы, немногие – те же. ¹

Создаётся ощущение, что в текстах Херсонского вы встречаетесь не с авторской речью, а с перекличкой вспомненных, возвращённых к жизни голосов, оттого и нередкое проборматывание в поэзии и прозе Херсонского, тяготение к анжамбеманам и длинному дыханию строки, некая сухость изложения и обилие деталей, подробностей, ненужных, казалось бы, мелочей. Однако, как иначе, если всем этим пустоту не залатать — она прорвется и отвоюет себе уже почти ожившее, насыщенное знаками и сущностями пространство. И тогда текст исчезнет, и без надежды останется читатель, и бездомным окажется поэт. Если жизнь — театр, то вербатим-пьеса — залог сохранения жизни в спектакле: он документален, а оттого не только не поддаётся уничтожению, но и направлен на умножение этого мира. На его сохранение и воскрешение, поскольку чудом вопроса удаётся создать и ощутить то, чего ещё не было.

При таком взгляде на самовозникновение и несопоставимость окружающих нас органических и неорганических предметов, сущностей, симулякров, становится понятна самостоятельность и уникальность поэтики Бориса Херсонского. И перестает удивлять (а кого и раздражать) невероятная продуктивность поэта. Не иначе: на опустошающий вопрос – жизни не хватит ответить.

Есть ли сегодня поэты, которых можно сопоставить ПО эпичности И элегичности, притчевости по проникновенности, ветхо И новозаветности, мифологическому масштабу и лирическому голосу одновременно? Этот вопрос, уверен, даст жизнь ряду ответов, однако наиболее логичным показался мне путь, по которому пошел критик Евгений Абдуллаев: «Пожалуй, следовало бы назвать ещё одно имя: Бахыт Кенжеев, тексты которого образуют в «нулевые» с текстами Херсонского довольно

¹ Из книги «Семейный архив: Стихи», М. Новое литературное обозрение, 2006.

* * * Серый пепел табачный в кофейном блюдце, сизый туман в оконном проёме, и если где-то теперь веселятся или смеются, то не в этой стране и не в этом доме. Здесь никого не ждут, молчат месяцами, всё давно проговорено в суматохе всегдашней,

интересную зеркальную перекличку. Поэты-ровесники,

сторону

у Кенжеева

«скорбящему» Гераклиту. Может, когда-нибудь напишу...». 1

«Новое

эволюционируют

лирику).

«вспоминательность»

пятидесятого года; оба – необычайно плодовиты, активно участвуют в литературной жизни (ведут ЖЖ, «отмечаются» в фестивалях); обоих признают и печатают и «толстяки», и адепты «новейшей поэзии»

лирическая. У меня даже была идея написать статью «Кенжеев как Демокрит и Херсонский как Гераклит», имея в виду известное с античности противопоставление «смеющегося философа» Демокрита –

литературное обозрение»);

Прекрасная идея. И в этом плане, мне повезло больше, чем Абдуллаеву: о «светлой, мажорной, лирической» поэзии Кенжеева я уже написал довольно подробно², а теперь – и о поэзии Херсонского – «скорбящей» (в духе иудейских традиций), мудрой (Херсонский, прежде всего, цадик), с верой и надеждой (святое для христианина), сдержанной (что ожидаемо в эпосе) и с грустью (без чего не быть

прозаизации

– более

наконец,

Только

стиха.

светлая,

а была б стена, мы бы к ней пристроили башни, а была бы дверь, мы б её укрепили медью и покрыли бы доски неповторимым узором, а была бы стол, мы б её уставили снедью, а была бы жива, мы б её одарили смертью, а была б чиста, мы покрыли б её позором.3

этих

Сопоставьте

и ничем не помочь сестре с неразвитыми сосцами,

двух поэтов, разных интонации, ПО мировоззрению, поэтической оптике и, как говорится, почувствуйте разницу. время, немало то вы найдете перекличек, же

¹ Е. Абдуллаев. Поэзия действительности. Ж-л «Арион». №2. 2010. ² Г. Кацов. «...Качаюсь на волнах стиха». О поэтике масок Бахыта Кенжеева. Ж-л

[«]Эмигрантская лира». №1, 2019. https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/katsov-

gennady/2019-1-1 ³ Б. Херсонский. Между серых бетонных коробок... Выпуск 5. Ж-л «Крещатик».

пространство", то есть такое, где располагаются не реалии, а их концепты, не сами черты времен и эпох, а их "представленческие" осадки...». 1
А почему бы им и не совпасть – двум, несомненно, значимым и

парадоксальным образом совпадающих ожиданий от брошенных в пустоту вопросов. И, возможно, вы придёте к выводу, что сказанное о Борисе Херсонском критиком И. Роднянской вполне применимо к Бахыту Кенжееву: «...он стремится создать "мифологическое

знаковым поэтам в современной русской словесности. Ещё одна мандельштамовская двойчатка, коих у каждого в жизни и трудах немало.

¹ И. Роднянская, Никакое лекарство не отменяет болезни. Ж-л «Арион», №4, 2007